

Мария Толмачёва

Как жила Тася

Художник
Евгения Мельникова

Санкт-Петербург
Издательство «Качели»
2022

Старый мишка

Тихо было в квартире: папа после обеда спал, мама готовила уроки с Колей, сестра Маня тоже училась, а Тася сидела на низенькой скамеечке в своём уголку, где жили игрушки, и потихоньку разговаривала с Мишкой.

Разные тут были игрушки: корова с колокольчиком, лошадка на колёсиках, на кровати лежала новая, нарядная кукла Надя, а две старенькие сидели смиренно на диванчике. Но любимцем Тасиным был Мишка. Да и немудрено: уж года два тому назад, когда Тася лежала больная, принесли его ей, и с тех пор всегда они жили вместе.

Поистёрлась бурая шкурка, на ладони лап недавно пришлось маме наложить заплатки, чтоб не торчала безобразно набивка, похудел он весь и растрепался, но ничего: хорош был Мишка и верный друг...

И, взяв его на колени и наклонив к нему головку, вела с ним Тася чуть слышную беседу.

— Ты знаешь, Миша, ведь подарок-то мне к завтрашнему дню моего рождения от бабушки уж пришёл! — говорила она, и с любопытством уставились на неё чёрные пуговицы-глазки. — Знаешь, сегодня приехала мама домой и привезла посылку, ящик такой большой, вот с Надину кроватку. Я выбежала, а она кричит: «Уходи, уходи! Простудишься!» Ну, а я всё-таки успела рассмотреть. Как ты думаешь, что бы там такое было? Ты бы что хотел? Хорошо бы обеденный сервиз: чашки-то у меня есть, а тарелочек нет. Краски бы тоже, пожалуй, хорошо, а то Маня мне своих не даёт. А только ты знаешь, Миша, что бы мне ни подарили, ты всё-таки будешь лучше всех. Вот мне на Пасху подарили Надю, да она какая-то ненастоящая, не то что ты! — и гладит с любовью шершавую Мишину головку.

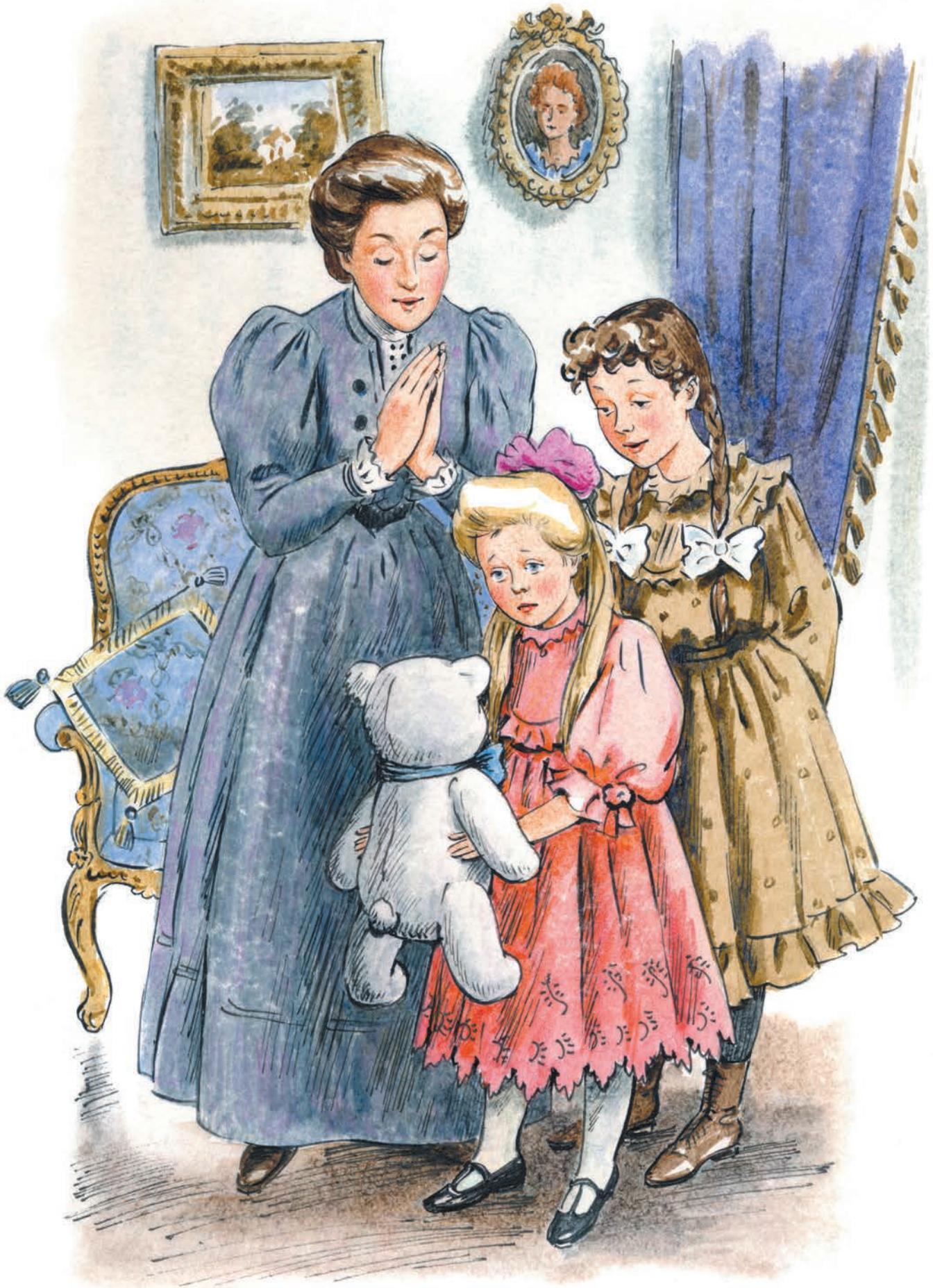
Рано проснулась на другой день маленькая новорождённая, насилу дождалась, когда встала мама. Карандаши ей цветные подарили и тележку для куклы. Рада была, но всё торопила открыть поскорее бабушкину посылку.

Наконец горничная Даша принесла большой кухонный нож, затрещала крышка, оскалились державшие её гвозди, и отскочила она совсем.

Много бумаги стало видно; запустила туда Тася жадные ручки, пошарила, что-то вытащила: коробка с шоколадом.

Это хорошо, только это не подарок; подарок, значит, внизу.

И правда, что-то мягкое, большое, никак не вытащишь.

Потянула изо всех сил и ахнула, и опустились невольно руки... Мишку прислал дедушка, большого, белого, как серебро, с голубым бантом, красавца Мишку.

— Вот угадал-то как хорошо дедушка, — говорила мама, стоявшая за Тасиной спиной, — ты так любишь этих медведей, а твой совсем состарился!

Ничего не ответила Тася, разжала руки, и покатились нарядный Мишка на пол, а она пошла прямо-прямо прочь, дошла до сундука в коридоре, залезла на него с ногами, отвернулась к стенке и заплакала.

Разыскала её мама, удивилась.

— Глупая девочка! О чём ты? Разве тебе не нравится медведь? Такая чудная игрушка!

Молчала Тася. Что сказать? Разве объяснишь, отчего вдруг жалко-жалко стало прежнего Мишку? Так жалко, что защемило сердце. Бедный, старенький, заплатанные лапки, мордочка такая потешная, измазанная... Лежит теперь, глупенький, думает: «Конец мне пришёл! Не будет меня больше Тася любить!»

Подождала мама, назвала Тасю капризницей, пошла прочь. А Тася соскочила, побежала в детскую, схватила Мишку старого и крепко-крепко прижала к груди.

— Ты не думай, Миша, ты лучше всех, ты мой любимый! А тот — того мне и не надо совсем! Пусть назад едет, куда хочет, и видеть его не хочу!

И, будто забыв о нём, принялась играть.

Посадила в новую коляску куклу Надю и Мишку и стала их катать. По детской повезла, по гостиной, докатила до столовой и остановилась. Там тот, новый, белый...

Интересно, убрала его мама или нет? Заглянула чуточку — нет, лежит по-прежнему на полу, задрал лапы.

Так ему и надо! Зачем вздумал у Миши место отбивать?!

Запела Тася песню, покатила колясочку назад. Села рисовать, сломала карандаш и задумалась. И представилось ей, как лежит бедный Мишка на полу, под стулом.

Тоже, пожалуй, невесело и ему. Ехал-ехал от бабушки, и вдруг... Неловко там лежать и страшно, кругом все чужие. Встала опять Тася, взяла старого Мишу.

— Пойдём посмотрим.

Стоят оба, смотрят...

— Пустить уж разве его в детскую? А? Миша, как ты думаешь? Конечно, не на твою кровать, а так, куда-нибудь, у двери!

Подошла нерешительно, потянула за лапку — жалобно посмотрел белый Мишка.

— Ну, иди уж, так и быть! — нахмурилась Тася, чтоб не видно было, что жалко; отнесла гостя в детскую, посадила на картонку в углу. А сама рассадил куклол по стульям, Мишку в середину, стала их бабушкиными конфетами угощать.

А тот, белый, сидит один, смотрит издали да облизывается. Отставила Тася в сторону шоколад, покраснела, подумала минутку, посмотрела на верного старого Мишу, а тот на неё.

Потом тряхнула решительно головой, побежала в угол, взяла белого и зорко поглядела ему прямо в глаза.

— Живи уж! Я тебя прощаю! Будешь и ты мой! Спать будешь на коробке с кирпичиками, а подушку одну тебе Миша свою даст, он добрый. Только ты знай, что всё-таки он главный и я его больше всех люблю!

Как Мишка на дачу попал

Вечер, скоро и спать. Присев на корточки в уголке с игрушками, Тася поспешно укладывала по кроваткам кукол и зверей. Пришла няня. Мама сидела за столом и что-то писала.

— А какие же игрушки, Тасенька, ты берёшь с собой на дачу? — спросила мама.

Тася посмотрела на игрушки и решительно ответила:

— Все!

Мама покачала головой.

— Это невозможно, дочка: их слишком много, да они тебе и не понадобятся — будешь больше в саду играть, в лес ходить. Ну, к чему тебе, например, все куклы?

— А им скучно здесь будет! — недовольно ответила Тася.

— Не говори глупостей, — остановила её мама, — ты не маленькая уже. Завтра я тебе дам большую корзину,

и ты в неё уложишь всё, что оставляешь дома, и возьмёшь с собой две-три любимые игрушки, а всё остальное спрячь!

На другой день Тася, окружённая игрушками, сидела перед открытой корзиной и соображала: Мишу старого, конечно, с собой, а белого, нового? Его бы, пожалуй, можно и оставить, да старый Миша с ним очень подружился, скучать будет — придётся и его взять. Ну, пусть посидят пока оба на кровати.

Вот куклу Лильку, конечно, оставить надо. Недолюбливает её Тася за то, что раз ей очень досталось от мамы, когда, заинтересовавшись, почему у неё глаза закрываются, она Лильке парик отклеила и глаза пальцами вынула. С тех пор, хоть и починила мама сургучом куклу, всё-таки она какая-то косая осталась. Бог с ней! Пусть лежит в корзине, на самом донышке.

Вот и барана белого тоже не жалко: шерсть у него лезет, кричать он перестал, и золотая краска с рогов облупилась.

Положила ещё Тася другую куклу, безногую, поставила коробку с зоологическим лото, присела отдохнуть и задумалась...

Рада она, что завтра на дачу: весело там будет!

Мягкий песок на дорожках, на лугу цветы, комнаты маленькие, и везде в окна деревья видно... «Ах, надо узнать у мамы, будет ли и в это лето у неё своя грядочка».

Вскочила Тася, хотела бежать, спрашивать, да вспомнила, что мама не велит дело бросать не кончив, присела опять и поспешно стала складывать в корзину всё, что под руку попадалось.

И в самом деле, зачем ей летом всё это? Сунула сервиз чайный, плиту жестяную, мебель кукольную, потом собрала в фартучек кубики разрозненные и с грохотом высыпала и их туда же. Захлопнула крышку, но что-то мешало закрыться совсем. Тогда Тася села сверху, в корзине что-то хрустнуло немножко, крышка легла аккуратно, и Тася побежала к маме.

Мама тоже стояла, согнувшись над большим сундуком, и укладывала туда детские платья.

— Ну что, отобрала вещи? — обернулась она к девочке. — Неси скорее, я уложу!

Тася немножко замялась.

— Мишки оба остались, — сказала она, — да только их нельзя укладывать!

— Это почему? — удивилась мама.

— Да им душно будет! Я их лучше на руках повезу.

— Что за пустяки! Ты их только потеряешь. У нас и так в вагоне вещей много будет! — не соглашалась мама. — Давай скорее, мне некогда!

Но Тася стояла на своём. Сговаривались, сговаривались, наконец решили белого Мишу уложить на самый верх в сундук, чтоб ему удобно было, а бурого, старого, Тася на руках повезёт, иначе она не согласна.

Не спалось Тасе эту ночь: всё боялась проспать. Поднялась ни свет ни заря, разбудила Маню, пробежала к няне, выглянула в окно: не приехали ли ломовые? Но всё ещё было тихо на улице, и няня назвала её «неугомонной».

Наконец все встали, и началась суета; Тася была готова раньше всех. Надела на Мишу его тёплую дорожную рубашку, сунула себе в карман другую, запасную, туда же положила мячик резиновый чёрненький и коробочку монпансье на дорогу, хотела ещё платок носовой положить, но уж места не было. Потом села на подоконник и стала ждать. За ранним завтраком ничего есть не могла, только молока выпила чашечку.

Но вот вещи отосланы, все готовы и идут садиться на извозчиков. Тася спускается с лестницы, одной рукой крепко держится за мамину руку, а другой прижимает к себе Мишу.

Яркое солнышко ударило в глаза на улице, швейцар Иван стоит у подъезда и улыбается.

— Мы на дачу едем, Иван! — кричит ему Тася, а он ловко подхватывает её сзади и сажает к маме на извозчика.

Поехали. Тася смотрит по сторонам, и ей хочется кричать всем встречным:

— До свиданья! До свиданья! Мы на дачу едем! — И на радостях она крепче жмёт Мишу и украдкой целует его в облезлое ушко.

Вот и вокзал. Тут довольно страшно: сколько народу, толкотня, свистят паровозы, везут багаж. Тася вздыхает с облегчением, только когда все вошли в вагон и мама не опоздала, а сидит тут же против Таси.

Но вот и поехали! Поплыли мимо столбы, платформы; отодвинулись назад люди на ней; замелькали какие-то вагоны, закопчённые здания, высокие трубы; потом вдруг стало светло, зелено, и, усеянное жёлтыми цветочками, раскинулось поле.

Прижавшись носом к стеклу, стояла на коленях у окна Тася и смотрела. Хорошо бы остановить поезд и побежать шибко-шибко по зелёной травке! Сколько цветов-то!

А где же Миша? Надо и ему показать. Бедненький! Совсем завалили его вещами: Колька на него пальто бросил, а няня на лапку села. Надулась Тася, вытащила Мишу, оправила на нём рубашечку и посадила его на раскидной столик у окна.

— Сама захотела его на руках везти, так сама и смотри за ним, — говорит мама, — у нас и так вещей много!

Конечно, сама! Никому она своего Мишеньку не даст!

— Смотри-ка, Миша, вон коровки, целое стадо! А там вон деревня виднеется.

— Ты бы села, Тася, — говорит мама, — устанешь ведь: целых пять часов ехать!

Как тут устать: так весело смотреть в окно, бежит всё, бежит назад, так что в глазах рябит и кажется, что даже колёса выговаривают: «Мы на да-чу! Мы на да-чу!»

Миша тоже смотрит, задрал мордочку и растопырил лапки.

Ехали-ехали, проголодались все, запросили у мамы есть. Старательно держала Тася кружечку с молоком, чтоб не расплескалось, и прикусывала пирожок, а Мишу пришлось уж в уголок посадить покамест.

Закусив, хотела опять к окну пролезть, но место уже занял брат Колька.

— Ты всё время здесь сидела, а я нет! Теперь моя очередь! Правда, мамочка? — торопливо доказывал он, отстраняя сестру.

— Ну, ты посиди до станции, а потом опять Тасю пусти, — решила мама. — А ты, детка, посиди пока спокойно, отдохни!

Сжалась Тася в комочек, подобрала ноги. Спорила она, собственно, так только, для порядка, а ей уж и самой больше не хотелось смотреть в окно: ведь всё там то же самое, зелёное. В голове как-то странно становилось, в глазах так туманно стало, и глуше стучали колёса.

— Смотрите, няня, Тася-то совсем дремлет! — откуда-то издалека слышит она мамин голос. — Уложите-ка её!

— Закачало совсем нашу птичку, — отвечает няня. — Ещё бы! С каких пор поднялась!

И чувствует Тася, что няня кладёт её на диван, подсовывает подушечку под голову и прикрывает усталые ножки большим платком.

— А Миша? — лепечет с усилием девочка.

— И Мишка твой здесь! Она в уголочке сидит! Спи, моя красавица, ещё долго ехать-то!

И сладко заснула Тася...

Проснулась оттого, что Коля крикнул ей прямо в уши:

— Приехали! Вставай!

Замигала, затёрла слипающиеся глаза, смотрит: все уж в пальто и шляпах, и няня вещи связывает.

Ах, ведь и в самом деле приехали!

Сейчас увидит она знакомых лошадок, загремят бубенчики, покатают они...

— Мамамочка! За нами Степан приедет? На паре? Да? — кинулась она к матери.

Уж медленно идёт поезд, вот и платформа.

Колька быстро пробирается к окну и изо всех сил барабанит в стекло.

— Мамочка! Вон Степан! Степан, мы здесь! Иди сюда!

Тася смеётся, кивает в окно Степану и первая бежит вон из вагона, так что мама бросает пакеты и спешит за ней.

— Тише, детка! Упадёшь! Успеешь ещё!

Но Тася ничего не слышит: она уже около Степана, держит его за жёсткую, точно деревянную, руку, и ей радостно видеть его знакомое, милое бородатое лицо, слышать привычный запах кожи и дёгтя, которым пропахла его одежда.

— Ты на Гнедке и Мальчике приехал? — спрашивает она, припрыгивая. — А Жучка здорова? А щенятки есть?

Степан не знает, кому отвечать, потому что с другой стороны к нему уж прицепился Коля, но тут его зовёт мама, и он кидается помогать вытаскивать из вагона вещи.

Через несколько минут все расселись и поехали. Впереди, со Степаном, мама, Маня и Тася, сзади, на извозчике, Коля и няня.

Загрохотали колёса на площади перед станцией, потом попали на мягкую, пыльную дорожку и покатались весело среди полей.

— Мама! Мама! Смотри — васильки! — кричит Тася. Мамочка, вели остановиться, я нарву! Ах, сколько ромашек!

— Воздух-то какой чудесный! Так мёдом и пахнет! — восхищается Маня.

— Все ли вещи тут? Ничего не забыли? — озабоченно оглядывает экипаж мама.

Тася почти не замечает её слов, но вдруг ей делается как-то неловко. Она мгновенье сидит неподвижно, уставив глаза в одну точку, и вдруг кричит отчаянным голосом:

— А Миша? Мама, а Миша где?

Но мама не знает, мама совсем забыла о нём.

— Я же тебе говорила, что ты должна сама за ним смотреть! — говорит она.

Тогда Тася начинает отчаянно рыдать.

— Миша мой, Мишка! Он, наверное, остался в вагоне! Что я буду делать? Мамочка, вернётся! Пожалуйста, вернётся!

— Да ведь поезд давно ушёл! Ну перестань же, не стоит плакать!

Но Тася плакала всё громче. Полезла в карман за платком, но вместо него вытянула Мишину рубашечку и залилась ещё неутешнее.

«Да не у няни ли он?» — вдруг пришло в голову Мане.

— погоди, Степан, пусть они нас догонят, мы спросим.

Степан сдержал бойких лошадок, а Тася обернулась и, затихнув, с нетерпением стала следить, как в облаке пыли приближался отставший экипаж. Сердце у неё так и колотилось, и вся она дрожала. Вот уж видна белая фуражка Коли и нянин жёлтенький платок.

— Няня, — крикнула им мама, — не у вас ли Тасин медведь?

— Чего?

— Тасин медведь у вас, я спрашиваю?

— У меня! У меня! — донёсся тоненький нянин голос. Тася так и затрепетала.

— Дай! Дай скорее! Нянечка, миленькая!

Няня не спеша слезла с дрожек и рысцей подбежала к переднему экипажу с белым узелком в руках.

— Тут он! С пирожками вместе! — сказала она, хлопывая по узелку. — Как стали все вылезать из вагона, я огляделась — не забыли ли чего, — ан, сидит Мишка-то в уголку, горемычный. Хвать, и пирожки забыли. Я всё вместе в салфетку и завязала!

И, передавая девочке узелок, прибавила:

— Ты уж, Тасенька, не развязывай до дому-то, а то рассыпlesh всё. Здесь, здесь Мишка-то твой, видишь — лапка торчит!

— А он там, пожалуй, теперь все пирожки съест! — засмеялась сквозь слёзы счастливая девочка, нежно прижимая к себе узелок.

Так, вместе с пирожками, и приехал Миша на дачу.

